

Ольга Крутикова

Ольга Крутикова родилась в селе Новокиевский Увал Мазановского района Амурской области. Окончила Благовещенский государственный педагогический университет по специальности «филология».

Работает в Управлении государственной гражданской службы и профилактики коррупционных и иных правонарушений Амурской области.

Стихи и рассказы печаталась в альманахе «Амур».

Помнишь ли — это маленькая деревня, русская глухомань.
Я живу здесь вечность, я конченный интроверт.
У меня закаты на небе — венками мальв,
Ливни в окна — отчаянный рок-концерт.
Веришь ли, про меня говорят, что я — колдун,
Я умею «на ты» и с засухой, и с грозой.
По ночам я дою молоко из холодных лун,
В полнолуние обычно бывает большой надой.
Да не бойся, я вовсе не старый и страшный орк,
И не пил никогда, презираю алкоголизм.
Мой сосед, программист, перебрался давно в Нью-Йорк,
Говорит, что я — аутсайдер и архаизм.
Соберёшься приехать в деревню, так дай мне знать,
Ты качели любила, я помню, повешу вмиг.
И ещё привези мне что модного почитать,
Я хочу настоящих бумажных и вкусных книг.
И лекарств захвати: нерентабельны стали у нас
И аптеки, и поликлиники — пережитки.
Как живу? Я варю по субботам медовый квас,
Собираю бруснику в лесу и чего-нибудь с миру по нитке.
Буду ждать. По старинке, по-доброму и по весне.

Словно синие птицы, в траве голубые сороки...
Вот приедешь и будешь, как внучка любимая, мне.
Я на пару недель позабуду, что я одинокий.
А своих-то родных никого у меня здесь и нет,
Но грустить не привычен, и мысли мои легки.
Я планирую жить, мой друг, девяносто лет,
А потом стать высоким тополем у реки.

Андрей садит яблоню в белом саду,
Рубаха в зелёную клетку.
Уж семьдесят шесть ему в этом году,
Но он сухощавый, крепкий.
И кубики пресса, и тёмный загар,
Лишь взгляд подкачал — усталый.
И трудится в небе над ним Кочегар,
Закат разжигая алый.
Сосед у калитки кричит ему: «Эй,
Как жизнь?» — «Да как видишь, здравствую». —
«Как бабье царство твоё, Андрей?» —
«Живёт, пока я в нём царствую».
Две дочери, внучка, жена — вот трофей,
Богатство его и награда.
Ни сына, ни зятя не нажил Андрей,
Не сделал запас. И не надо.
Он точит ножи, носит воду в ведре
И лестницу чинит на крышу.
Но ночью в каком-нибудь скомканном сне
Помощников видит, мальчишек.
А яблони тихо растут в саду,
И дом деревянный дышит.
И если с небес сковырнуть звезду,
Она превратится в вишню.
И внучка высоким и гордым цветам
Секрет выдаёт чуть слышно:
«Мой дед — чародей, он находит всегда
Мне кукол и плюшевых мишек».
Однажды корпел над полотнами май
И день рисовал чудесный.
Андрей на крыльце пил лавандовый чай,
А рядом сел Царь Небесный.

«А ну-ка и мне, — говорит, — налей,
Никак ты знаком мне и присен.
Повысить желаю тебя, Андрей.
До самых небес повысить.
Мне нужен садовник: слабо одному
Растить непослушный месяц.
Вон видишь, там Царство моё, и к нему —
Дорога из лунных лестниц».
Андрей обернулся — и съёжился дом
Под взглядом хозяйским, метким.
И ель заметалась над синим окном,
Сломала и выгнула ветки.
И сад стал белей и, как колотый лед,
На части начал дробиться.
Когда Всемогуший тебя зовёт,
Едва успеваешь проститься.
Теперь, когда дочери ходят смотреть,
Как звёзды на небе зябнут,
На полную мощность включает Андрей
Подсветку из лунных яблонь.
А ночью порой он спускается вниз,
Обходит своё государство.
Из Царства Небесного можно без виз.
Тем более — в бабье царство.

Как рыцаря в древности у аналоя
Католического,
Я посвящаю тебя в герои
Лирические.
Делов-то: не верить, что я существую, —
Категорически,
Любить стопроцентно и страстно другую —
Физически.
Я буду доказывать лозунгом бравым,
Коммунистическим,
Что есть я и буду тебе по нраву —
Романтическому.
Но должен ты быть неприступен и горд
Стоически.

Нельзя по щелчку открываться, как Word,
Автоматически.
Я стану болеть тобой, словно ангиной
Хронической,
Искать в этом смысл весомый, глубинный,
Мистический.
И вот, наконец, чуть не вскрыв себе вены
Трагически,
Я лягу на стол тебе новой поэмой
Юмористической.

Во мне включилась белая зима,
Там снег идёт, и улицы пусты,
И неизменно тихие дома,
И несравненно ироничный ты.
Как лампочка, она горит во мне,
Её никто не видит и не слышит.
Там телескоп глядит в глаза луне,
Ночуя на дощатой старой крыше.
Там рядом лес, и в нём живёт сова,
И изредка летит в наш дом погреться.
Вязанкой слов лежат твои слова
Топить мне сердце.
Там ты живой, улыбчив и небрит.
И там тебя окликнуть не посмею.
Но если лампочка во мне перегорит,
То вся весна снаружи побелеет.

М. Цветаевой

Сняв тело, как платье, повесив на тонкий крюк,
Сказала: не надо ни глаз, ни ушей, ни рук.
Господь натянул свой без промаха бьющий лук
И делится в звёзды, и полон Его сундук.
Расчищено небо под ровный и светлый луг,
И тянет небесный вол свой небесный плуг.
Никто не расскажет, какой он мотает круг,
И будет ли новое платье для новых мук.

К прохожим редким, безучастным
Меня неистово ревнуя,
Глядит циклопом одноглазым
Многоэтажка, где не сплю я.
И зорче хищников крылатых
Следит, и глаз её не гаснет.
Не знает, что не виноваты
Они в моей тоске неясной.
В моём мозгу неутомимом,
Там, где-то в области височной,
В своей тоске необъяснимой,
Живя уже полгода точно,
Не объясняя пребывания,
В ночи печальной и сиротской
Ведёт своё повествованье
Иосиф Бродский.

Камень с души свалился —
Агат голубой.
Милый, а ты родился
Под счастливой звездой.
Мне от тебя не надо
Денег, домов, детей.
Пей мою душу даром.
Пей.
Спи у меня в объятьях
Под золотой луной.
Там, в облаках, Создатель
Думает над ценой.

Тот день был ярок, праздничен, воздушен
И важен, как казённая печать.
В кулёк конфет сворачивая душу,
Я шла тебе торжественно вручать.
Ты весь светился: в розовой обёртке
Моя душа тебе — ваниль и крем.

А раскусил — и стало очень горько,
Невесело, нерадостно совсем.
Какой подвох! Ты был взбешён, растерян,
Ты ждал сиропа, ягод и нуги,
А там в начинке жгучий красный перец
Сидит под маской сладкой кураги.
Но вдруг с небес Кондитер в звёздной пыли
Кричит тебе, взбивая космос в джем:
«Да ладно, что ты, мы же пошутили.
Ты что у нас — без юмора совсем?»»

НАПУТСТВИЕ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТЕССАМ

Чтобы стихи хорошие писать
Не надо ни таланта, ни уменья,
Должны вы твёрдо, чётко понимать:
Всё дело в том, в ком черпать вдохновенье.
Он должен статен быть, красив на вид,
Талантлив, безупречен, элегантен,
Благоразумен, в меру знаменит,
По-неподдельному участлив и галантен.
И — да: не говорите мне о зле
В любви своей и о другом коварстве.
Любите умных, добрых, королей,
Тех, за кого не стыдно дать полцарства.
Потом, когда вдруг через сотню лет
Признают вас художником словесным,
Объявят гением, каких сегодня нет,
Когда вы станете на всю страну известной,
Биографы отыщут то звено,
Соединившее вас с музыкой крылатой.
И станет ясно: брошено зерно
Не просто в землю — в гумус благодатный.
И, подивившись этому звену,
Тогда пускай сдадут вас с потрохами
И скажут: — Всё понятно. Вот кому
Обязаны мы этими стихами.

Твой мир — океан бескрайний,
Но место моё — на суше.
Я дочь рыбака и знаю,
Как трудно выловить душу.
Как холодно спать в палатке,
Где рой комариный вьётся,
Как страшно кричит касатка
И невод тяжёлый рвётся.
Так строчки мои ложатся
Заштопанной крепкой сетью.
Не будет другого шанса.
Ловись на живца, ответь мне.
Известно всем тем, кто пишет,
Крючков не жалея и блёсен:
Чем лучше стихи, тем выше
Господь гонорар попросит.
Бывает, в метеосводке
Забудут сказать про ливень,
И тонут рыбацкие лодки,
Пока их никто не видит.

И снова к Тебе прихожу. Аскетичен, строг.
Всезнающ и всемогущ, и, конечно, светел.
Пожалуйста, сотвори мне горячий грог.
Звучит, как последняя просьба моя на свете.
Сейчас отдышусь и пойду постигать Твой смысл.
А именно: ужин готовить, бельё стирать,
Детей воспитывать, мужа с работы ждать.
И я в этом смысле отменный специалист.
Одно не совпало, мой ласковый нежный Бог,
Прости панибратство моё, не сочти гордыней.
По духу я откровенный синий чулок,
Такой исключительно аквамаринный синий.
Мне нравится грог Твой, он лечит меня изнутри,
И улиц небесных широкий льняной палантин.
И кресло-качалка у ясной и тихой зари,
Тебе заменяющей жаркий глубокий камин.
И этот Твой взгляд, как обычно животворящ,
Меня провожающий в путь, неизменно длинный,

Когда Ты стоишь, завернувшись в свой синий плащ,
Такой невозможный, неведомый миру синий.

Ночь надо мной склонила профиль свой точёный,
Сидит, не поднимая головы.
Сегодня снилось, будто я — учёный.
И мой предмет исследования — вы.
И я часами билась над задачей
Найти к вам ключ, решение простое.
Все ваши фразы ничего не значат.
Все мои мысли ничего не стоят.
Я — мореплаватель, уставший от отплытий,
Фантаст, безумный от изобретательств.
Ещё не знаю: вы — моё открытие
Или гипотеза без всяких доказательств.

Нет, не люблю. Разве любят мрамор?
Только лишь скульптор в нём видит живое.
В груди камней — неразрывно-литое.
В чёрной горе — очертания храма.
Нет, не люблю. Разве любят гвозди
В спину вбивать? Без особой тревоги
Спят на них лишь просветлённые йоги,
Будто из латекса сшиты их кости.
Нет, не люблю. Разве любят падать?
Вниз из-под купола цирка всем телом
Эквилибристы срываются смело,
Если страховка и если на маты.
Нет, не люблю. Разве любят в морозы
Лить на себя леденящую воду?
Этой закалки требуют годы,
Чтобы без страха покончить с неврозом.
Страстью к экстриму, недюжинной силой,
Суперспособностью, мужеством, волей
Бог обделил при рождении невольно.
Нет, не люблю вас. И не любила.

Вот с таким оттенком скупого официоза
Ты больше мне писем вежливых не пиши.
Луна сегодня крайне амбициозна
И претендует на место моей души.
Пора уступить и без лишнего боя сдатьсь.
Пожалуй, взаправду махнёмся телами с ней.
И от таких волнительных реинкарнаций
В подлунном мире станет ещё светлей.
Пойду шататься по небу бездомным мигрантом,
Сверкать то грошами, то крупной зелёной валютой.
А может быть, стану почище земного брильянта,
Но мерить меня не в каратах, а в кратерах будут.

И глянцем блестящим веет мне
От жизни (уже не матова),
Когда прилетают феи две —
Цветаева да Ахматова.

Как Золушке — рис от гречки,
Очистят мой стих за час
От всякого просторечья
И пошлых бессмысленных фраз.

Проделав работу, феи
Вздохнут, покачав головою,
Что вся волшебства эпопея —
Чтоб принца задеть за живое.

Но сказки финал изменчив.
Когда пропадёт вдохновенье,
Я буду смотреть на вещи
Без всякого сожаленья.

И если почует опасность
Мой принц и поймает с поличным,
Я буду сама бесстрастность:
Мол, так, ничего личного.

Если снег — то холодное молоко,
Если вороны — то кофейные зёрна.
Я устала от этих метафор, хочу легко
И воздушно, без мелодрам и попкорна,
Рассмешить тебя. Или немного согреть.
Растопить и расслабить. При этом остаться
Белым снегом — лицом, и глазами — черней,
Чем огромные стаи вороньего братства.
Откровенно, без хитросплетения слов,
Напоить тебя воздухом, морем, движеньем,
Чтобы выдумке всех философских основ
Ты сейчас предпочёл тишины притяженье.
И от косноязычий, отправленных прочь,
Стать защитой, шатром, небоскрёбом, завесой!..
В турке зимнего города варится ночь
Черноглазым горячим двойным эспрессо.
